
СОЦИОЛОГИЯ

DOI: 10.34020/2073-6495-2019-3-224-239

УДК 316.013

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ И ГРАЖДАНСКОГО АКТИВИЗМА НАСЕЛЕНИЯ МЕГАПОЛИСА

Мельникова А.С., Мельников М.В.

Новосибирский государственный технический университет
Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»
E-mail: nastazi19@mail.ru; Halkidon_N@list.ru

Щемелева И.И.

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»
E-mail: innaasp@mail.ru

Статья посвящена исследованию детерминирующего влияния социального самочувствия населения на уровень и форму проявления социальной активности и гражданского активизма жителей мегаполиса. Эмпирическую базу исследования составили данные анкетного опроса, проведенного среди жителей г. Новосибирска в 2018 г. В рамках исследования осуществлено разбиение респондентов на кластеры по ряду признаков, характеризующих социальное самочувствие населения: уровень материальной обеспеченности; степень уверенности в ближайшем будущем; удовлетворенность жизнью в целом. Кластеры содержательно с учетом социально-демографических признаков респондентов охарактеризованы, каждому кластеру даны условные обозначения: «довольные», «умеренные», «недовольные». Установлено, что уровень благосостояния и, как следствие, удовлетворенность жизнью респондентов оказывают сильное воздействие на характер восприятия ими привычной окружающей действительности. Сделан вывод о том, что чем более удовлетворен жизнью и уверен в своем будущем респондент, тем более для него очевидны позитивные изменения в жизни города, выше уровень его социального самочувствия и потребность в осуществлении социальной активной, направленной, в том числе на достижение общего блага. Выявлено, что представители кластеров «довольные» и «умеренные» охотно берут на себя ответственность как за изменение собственной жизни, так и за решение социальных проблем (готовность к солидарным действиям). В отличие от них «недовольные» склонны к проявлению патерналистских настроений, индивидуализма, приватизма. Выполненная с учетом смысловых характеристик выделенных групп верификация результатов аналитических процедур позволила установить, что хорошее социальное самочувствие является фактором реализации

человеком своего субъектного потенциала, проявления социальной активности и включенности в гражданский активизм при условии заинтересованности индивида в достижении личного и общественного благополучия.

Ключевые слова: социальное самочувствие, гражданский активизм, социальная активность, кластерный анализ, городское население.

SOCIAL WELL-BEING AS A FACTOR OF SOCIAL ACTIVITY AND CIVIC ACTIVISM OF THE MEGAPOLIS POPULATION

Melnikova A.S., Melnikov M.V.

Novosibirsk State Technical University
Novosibirsk State University of Economics and Management
E-mail: nastazi19@mail.ru; Halkidon_N@list.ru

Shchemeleva I.I.

Novosibirsk State University of Economics and Management
E-mail: innaasp@mail.ru

The article is devoted to the study of the influence of the population social well-being on the level and forms of the social activity and civic activism of the inhabitants of a megapolis. The empirical base of the study was compiled from a questionnaire survey conducted among residents of the city of Novosibirsk in 2018. The respondents were divided into clusters according to a number of characteristics of the social well-being of the population: level of material well-being; degree of confidence in the near future; life satisfaction in general. Clusters meaningfully taking into account the socio-demographic characteristics of the respondents are characterized. The following symbols are given to each cluster: «satisfied», «moderate», «dissatisfied». It has been established that the level of well-being and as a result life satisfaction of the respondents have a strong influence on the nature of their perception of the habitual surrounding reality. It was concluded that the more satisfied with the life and confident of his future respondent the more positive changes in the life of the city are obvious to him, the higher his level of social well-being and the need to implement socially active, aimed, among other things, towards achieving the common good. It was revealed that representatives of clusters «satisfied» and «moderate» willingly take responsibility for both changing their own lives and solving social problems (readiness for joint actions). In contrast «dissatisfied» are prone to manifestation of paternalistic attitudes, individualism, and privatization. It has been established that good social well-being is a factor of the realization of the subjective potential, social activity and involvement in civic activism in achieving of the individual personal and social well-being interests.

Keywords: social well-being, civic activism, social activity, cluster analysis, urban population.

Активное участие граждан в общественной и политической жизни своей страны является одной из основ формирования гражданского общества. Для описания соответствующей социальной включенности используется широкий понятийно-терминологический аппарат: от гражданского участия, гражданской активности и активизма до общественно-политической и социальной активности. Однако объединяет все указанные явления тот факт, что их основными характеристиками являются степень проявления активности (в том числе на уровне повседневной жизни) и широта, разнообразие форм и практик активности, многообразие социальных групп, участвующих в их осуществлении. При этом, как подчеркивает Н.Н. Седова, «широта и равномерная интенсивность гражданских практик могут свиде-

тельствовать о зрелом состоянии участия, его прогнозируемом характере... локализация же активистских практик на отдельных актуальных направлениях и в отдельных социальных группах говорит скорее о несистемном, случайном характере активизма, его непрогнозируемости» [6, с. 49].

В последние годы гражданский активизм становится объектом исследований, осуществляемых не только в социологии, но и в человеческой географии, политологии, истории, женских исследованиях, экологии, социальной антропологии. Внимание социологов из стран Центральной и Восточной Европы привлечено к возможностям и ограничениям развития гражданского активизма в условиях слабого гражданского общества [8]. Изучение этой проблематики является актуальным и применительно к реалиям современной России.

Феномен гражданского активизма включает в себя все многообразие действий граждан, направленных на осуществление значимых социальных, экономических, политических преобразований во всех сферах жизни общества, предпринимаемых на инициативных началах и не ограниченных институциональными формами.

При этом следует отметить существование проблемы структурирования интересов – разделения гражданского, политического и социального как составляющих элементов активистского движения. Политическая составляющая предполагает включение граждан в процесс участия в управлении государственными делами в рамках существующих законов и каналов коммуникации и, к примеру, не предполагает активности протестной, несогласованной и нелегитимной. Однако последнее допустимо в рамках проявления гражданской активности, отстаивания гражданских прав в системе взаимодействия органов власти и населения, а также власти и институтов гражданского общества. Социальная составляющая предполагает социальное преобразование разных уровней жизни общества, но в условиях российских реалий, по мнению И.Н. Трофимовой, она «сопровождается перемещением акцента с социальных проблем на гражданские» [7, с. 1025], что предопределяется спецификой социально-политической системы, сложившейся в нашей стране.

Тем не менее проблема реализации политического и неполитического активизма получает значительную общественную значимость не только вследствие, например, наличия определенных барьеров самореализации в рамках соответствующих практик, но и ввиду сравнительно низкой активности самих граждан. По оценкам Н.Н. Седовой, социальную базу неполитического гражданского активизма составляют 34 % населения – люди, участвующие в деятельности хотя бы одной общественной организации. Ядром реализации активистских практик является не более 8 % граждан – участники трех и более общественных организаций, имеющие разнообразный опыт, соответствующие знания и навыки, способные осваивать новые форматы и практики активности [6, с. 54]. По данным исследования Центра гражданского анализа и независимых исследований (ГРАНИ) в интернет-среде, являющейся, на первый взгляд, доступной и эффективной площадкой для реализации гражданских инициатив, доля истинно инициативных лиц составляет лишь 1 % пользователей, еще 9 % способны на изменение или комментирование контента, остальные 90 % – «потребители» [13].

Таким образом, лишь весьма небольшую долю населения России можно отнести к активистам. Результаты, полученные в ходе указанных исследований, свидетельствуют об актуальности и необходимости изучения факторов включенности россиян в гражданский активизм и повышения их социальной активности. Другим важным вопросом является изучение возможностей управленческого воздействия на гражданский активизм и социальную активность.

Что касается понятия «социальная активность», то в отечественной научной литературе выявлено немало противоречий при его определении. Наиболее распространенный подход – отождествление социальной активности с социальной деятельностью, сознательно осуществляемой индивидом с целью реализации себя в качестве субъекта общественных отношений [3]. Иной подход рассматривает социальную активность как качество личности, т.е. с позиции субъекта, способного к самовыражению посредством активности. Социальная активность в таком случае есть системное качество, в котором выражается и реализуется уровень социальности личности, т.е. глубина и полнота ее связей с социумом [7].

Подходы к определению социальной активности условно можно разделить на объективный и субъективный подходы. В первом подходе, прежде всего, фиксируется факт деятельности определенного характера, даже если деятельность осуществляется субъектом отчужденно. Второй подход основное внимание уделяет действующей личности – актору, реализующему свою социальность через активность.

О.И. Шкаратан изучил зависимость уровня социальной активности от потенциальных возможностей профессиональной реализации индивида, его материального положения и возможностей собственного благоустройства, которые являются основными условиями для включения индивида в систему социальных связей [8]. О конкретных сторонах этой зависимости можно судить по результатам, полученным в ходе исследований, проведенных в разных странах мира. Б. Симпсон, Р. Уиллер и С. Риджуэй показали, что коллективные действия формируются и получают направление благодаря существующим статусным различиям у членов больших и малых социальных групп [11]. А. Тутич и С. Грель использовали их методологию для получения эмпирического подтверждения гипотезы, согласно которой социальные действователи (акторы), имеющие высокий статус, проявляют больше инициативы и вносят больший вклад в обеспечение общественных благ, чем акторы с низким социальным статусом [12]. С другой стороны, исследования, выполненные на обширном российском материале, показали, что активистами являются «обыкновенные люди с нормальными притязаниями, средними способностями и обычными заботами», не желающие более терпеть социальную несправедливость в обществе [3, с. 675]. Таким образом, в России и в других странах доля активистского ядра наиболее высока среди образованных, профессионально состоявшихся граждан, обладающих достаточно высоким уровнем материальной обеспеченности и позитивным социальным настроением. Одновременно низкий уровень активизма, отчуждение от него наблюдается среди граждан, не удовлетворенных своим социально-экономическим положением и различными аспектами жизнедеятельности в конкретном социуме и на конкретной территории.

В качестве интегральной характеристики удовлетворенности населения индивидуальными и социальными условиями жизнедеятельности, включая специфику переживания рискованной составляющей жизни общества, может выступать социальное самочувствие. Однозначной трактовки данного понятия в социальных науках не выработано. Наиболее подходящим целям социологического анализа представляется подход, определяющий социальное самочувствие как эмоционально-оценочное отношение человека к системе социальных отношений и к своему месту в этой системе [2]. Оно используется для выражения степени удовлетворения социальных потребностей и притязаний индивида, отражения восприятия благополучия актуальной жизненной ситуации и отдельных ее показателей. С его помощью описывается комплекс установок индивида на осмысление изменения собственной жизни. Социальное самочувствие также может рассматриваться как «основа социального настроения, его эмоциональный фон, который обусловлен оценкой и самооценкой социального статуса и социального положения, проявляется в представлениях человека о возможностях достижения желаемого» [5]. В таком случае данная характеристика может быть рассмотрена в качестве мотивационного фактора поведения человека и реализации им своего субъектного потенциала. Одним из проявлений последнего может рассматриваться включенность в гражданский активизм.

Проверим данную гипотезу на результатах анкетного опроса, проведенного среди жителей г. Новосибирска в 2018 г. Выборка трехступенчатая территориальная с применением квот на последнем этапе отбора. На первой ступени единицами отбора послужили все административные районы города (10 ед.). Наименьшему по численности населения району (Железнодорожному, в котором по состоянию на 2018 г. проживало 64 972 чел., что составило 4 % от населения Новосибирска) был приписан минимальный объем объектов изучения, требуемый для получения валидных результатов в рамках количественного исследования (50 чел.). Численность респондентов по остальным районам была определена пропорционально численности их населения. По итогам расчета выборочная совокупность исследования составила 1204 чел. На второй ступени построения выборки в качестве единиц отбора выступили улицы (отобраны случайным образом) и жилые дома (общее количество домов и расчет шага отбора домов определены для каждого района в отдельности). Благодаря работам, выполненным в ходе второго этапа, были построены маршрутные листы. Третья ступень построения выборки – отбор респондентов с соблюдением квот по полу и возрасту. Расчет квот осуществлен на основе статистических данных о половозрастном составе населения Новосибирска. В исследовании приняли участие 542 мужчин и 662 женщины. Соотношение респондентов по полу имеет вид: 36 % составили лица младшего возраста (до 35 лет), 35 % – среднего возраста (35–55 лет), 29 % – лица старшего возраста (56 лет и старше).

Проверка гипотезы исследования посредством поиска взаимосвязей между признаками в данном случае не представляется авторам состоятельной, так как способствует получению фрагментарного знания об объекте исследования. Более обоснованным, с учетом необходимости выявления структуры данных, является подход, предполагающий изначальное разбиение респондентов на непересекающиеся группы, отличающиеся по степени

выраженности положенных в основу разбиения признаков, но однородные внутри себя, с последующим анализом специфических характеристик каждой группы. Одной из наиболее простых и вместе с тем результативных статистических процедур многомерного анализа данных является кластерный анализ методом k -средних. Выбор данного метода диктуется объемом выборочной совокупности и характером имеющейся эмпирической информации. Особенности метода заключаются в изначальном определении центров кластеров с последующим формированием групп (кластеров) в пределах заданного от центра порогового значения [1].

По имеющимся данным нами была осуществлена кластеризация респондентов по признакам, характеризующим социальное самочувствие респондентов: «Уровень материальной обеспеченности», «Степень уверенности в ближайшем будущем (до 1 года)», «Удовлетворенность жизнью в целом».

Метод кластерного анализа является разведочным, поэтому было проведено несколько процедур для поиска оптимального числа факторов (в частности, построены модели с числом кластеров 2–5 ед.). Верификация результатов аналитических процедур осуществлялась с учетом смысловых характеристик выделенных групп. Оптимальной была признана модель, разбивающая совокупность респондентов на три кластера:

– *первый кластер* составили респонденты, скорее не удовлетворенные своей жизнью, не испытывающие особой уверенности в своем будущем и характеризующие свое материальное положение ниже среднего. Данный кластер получил наименование «недовольные». Доля респондентов, входящих на этот кластер, 27 %;

– *второй кластер* представлен индивидами, которые скорее удовлетворены своей жизнью, чем нет, и в значительной мере уверены в своем будущем. Однако располагаемый доход данной группы можно охарактеризовать «ниже среднего». Обозначим этот кластер как «умеренные». Представители данного кластера составили большую часть выборки – 48 %, поэтому их также можно именовать «умеренным большинством»;

– *третий кластер* включил в себя респондентов, в значительной мере удовлетворенных своей жизнью, испытывающих уверенность в завтрашнем дне и достигших финансового благополучия. Таковые индивиды составили 26 % выборочной совокупности, кластер получил наименование «довольные».

Рассмотрим социально-демографические характеристики кластеров с целью получения более полной информации о социальном самочувствии респондентов, их составляющих.

В ходе анализа половозрастной структуры кластеров установлено, что среди *недовольных* в полтора раза больше женщин, чем мужчин, а также преобладают лица среднего (36–55 лет) и старшего возраста (от 56 лет), суммарно составляющие 72 % кластера. В группе *умеренных* доля мужчин и женщин близки по объему (45 и 55 % соответственно) с перевесом лиц младшего (до 35 лет) и среднего возраста (70 % кластера суммарно). Среди *довольных* незначительно больше мужчин (53 % совокупности), 85 % кластера составляют респонденты молодые и среднего возраста, причем представлены они почти в равных долях.

С возрастной структурой кластеров, очевидно, сопряжена и самооценка здоровья входящих в них респондентов: чем хуже респондент оценивает свое здоровье, тем выше вероятность, что он принадлежит кластеру *умеренные* или *недовольные* (рис. 1).

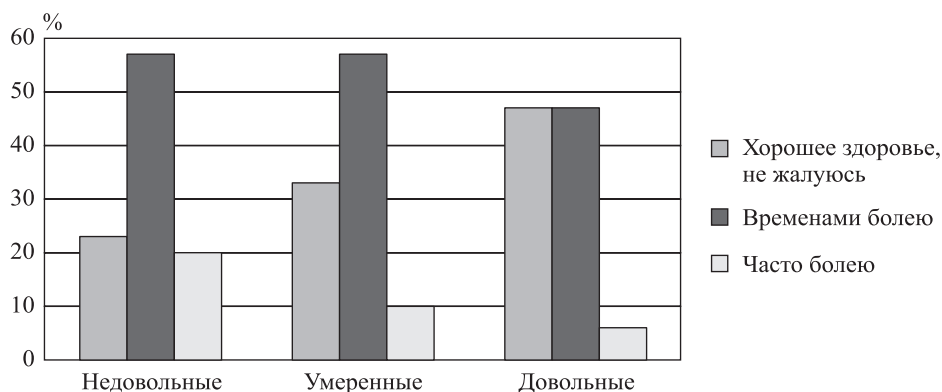

Рис. 1. Самооценка здоровья представителей разных кластеров

Определенные закономерности просматриваются и в плане семейного положения. *Довольные* чаще других состоят в официальном или незарегистрированном браке (58 и 12 % соответственно); *умеренные* отличаются сравнительно высокой долей холостых и незамужних (25 % кластера); *недовольные* опережают другие кластеры по доли разведенных (18 %) и овдовевших (10 %). Различия кластеров по возрастному составу и семейному положению респондентов влекут разницу в количестве детей, у них имеющих. Например, среди *довольных* 64 % опрошенных бездетны или имеют только одного ребенка, среди *недовольных* аналогичная доля респондентов имеет одного или двух детей.

Выделим и другие различия между кластерами. Чем выше образование респондента, с тем большей вероятностью он принадлежит кластеру *довольные* (рис. 2). Так, среди последних доля лиц с высшим (в том числе незаконченным) и послевузовским образованием суммарно составила 71 %, а в остальных кластерах не превышает 56 %.

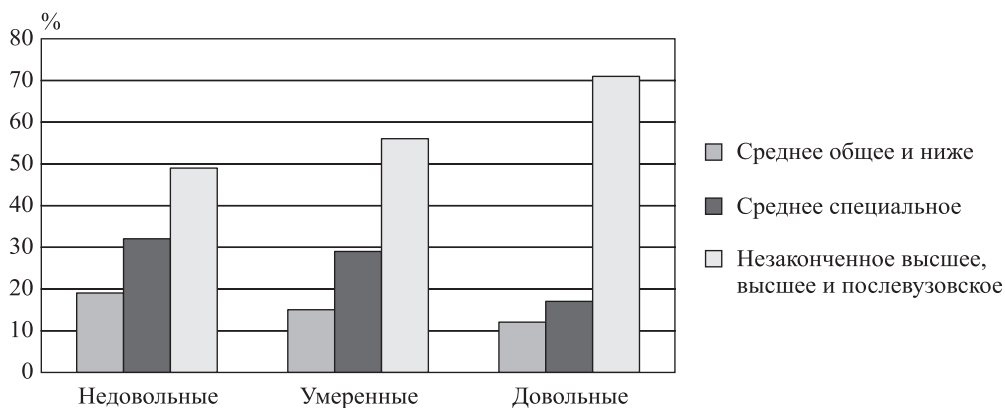

Рис. 2. Взаимосвязь кластерной принадлежности респондентов с уровнем образования

В разных кластерах структура респондентов по сферам занятости также различна. Среди *довольных* чаще, чем в других кластерах, встречаются специалисты IT-сферы, лица, занятые трудом в науке, культуре и образовании, работники финансово-кредитной сферы (доля таковых свыше 30 %), государственные служащие, сотрудники правоохранительных органов (10 %). Среди *умеренных* больше половины тех, кто задействован как в социально-управленческом, так и в распределительно-обменном и инфраструктурном секторах сферы услуг. Среди *недовольных* преобладают неработающие и безработные граждане (39 %), работники сферы коммунально-бытового обслуживания, торговли, связи (29 %).

В плане жилищных условий среди всех кластеров наиболее равномерно представлены жители частных домов (по 11 %). У большинства *довольных* есть собственная отдельная квартира (71 % от кластера), а доля *умеренных* и *недовольных* с такими же условиями проживания не превышает 61 %; *недовольные* реже остальных снимают квартиры и чаще живут в общежитии.

Портрет «благополучного горожанина» имеет следующие черты: молодой либо среднего возраста человек, без семьи или состоящий в законном браке, без детей или с одним ребенком, имеющий достаточно хорошее образование и задействованный в сфере нематериального производства. В данный портрет не вписываются признаки слабозащищенных слоев населения (пенсионный возраст, многодетность, труд рабочих и обслуживающего персонала).

Рассмотрев основные социально-демографические характеристики кластеров, проанализируем, насколько составляющие их респонденты удовлетворены различными аспектами проживания в Новосибирске и как это влияет на их миграционные настроения. Соответствующая информация позволит проверить дополнительную гипотезу о связи между удовлетворенностью жизнью в городе как социально-территориальном образовании и уровнем социального самочувствия, потребностью в реализации социально-преобразовательной деятельности.

Для начала отметим, что во всех кластерах преобладает доля уроженцев города (43–45 %). Однако среди *недовольных* чаще встречаются переселенцы из сельских поселений НСО (18 %) и стран СНГ (8 %). Вероятнее всего, это лица, перемещающиеся в поисках заработка и «лучшей жизни». В группах *умеренных* и *довольных* заметную долю составляют приезжие из других городов НСО (по 15 %), что указывает на имеющиеся у них более высокие стартовые позиции и соответствующие запросы. Среди *довольных* также сравнительно часто встречаются переселенцы из других регионов России (27 %). Отметим, что такого типа миграция обычно является для индивида не вынужденным шагом, а осознанным выбором с тщательным взвешиванием своих возможностей.

В целом *довольные* и *умеренные* одинаково относятся к самому факту своего проживания в Новосибирске (рис. 3), проявляя в основном полное удовлетворение или неудовлетворенность лишь отдельными аспектами проживания в городе. *Недовольные* чаще представителей других кластеров признаются в отсутствии особых чувств по этому поводу, либо оказываются неудовлетворенными многими аспектами проживания в мегаполисе.

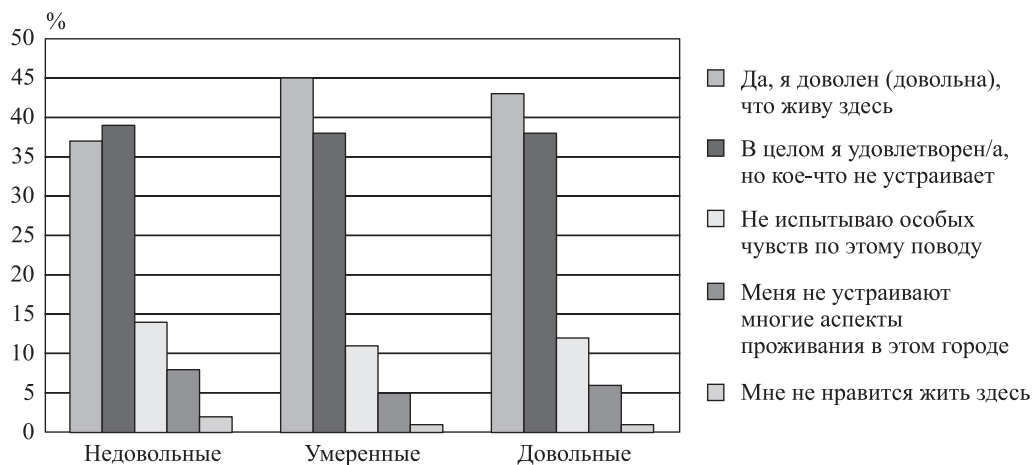

Рис. 3. Отношение представителей разных кластеров к жизни в г. Новосибирске

Отметим также, что чем более удовлетворен жизнью и уверен в своем будущем респондент, тем более для него очевидны позитивные изменения в жизни города, и наоборот – *недовольные* в 2 раза чаще представителей остальных кластеров отмечали наличие негативных изменений. Эти же респонденты лишь в 18 % случаев отмечали, что в нашем регионе люди живут лучше, чем в остальных регионах. Среди *умеренных* и *довольных* доля таких оценок превышает 28 %. Можно предположить, что уровень благосостояния и, как следствие, удовлетворенность жизнью респондентов оказывают сильное воздействие на характер восприятия ими привычной окружающей действительности. Можно также сделать вывод о наличии условно протестного восприятия социальных изменений в городе представителями кластера *недовольные*.

При анализе условий жизни в г. Новосибирске выявлено, что представители всех кластеров примерно одинаково оценивают состояние окружающей среды в городе, качество государственного медицинского обслуживания и работы скорой помощи, дорожных служб и т.п. В частности, медианное значение оценок работы данных служб и учреждений равно «3», что соответствует варианту «удовлетворен в средней степени». Таким образом, мнения респондентов сходятся в оценках качества так называемых общественных благ, которые предоставляются гражданам на равных началах и слабо поддаются контролю со стороны населения в плане способов и эффективности их предоставления. Если же речь идет не столько о благах, сколько о возможностях, открывающихся для отдельного индивида в рамках его взаимодействия с социальной средой, то имеет место дифференциация оценок. Так, при оценивании доступности образования и покупки жилья, *недовольные* респонденты выказывают более низкий уровень удовлетворенности (медиана соответствует варианту «3») в сравнении с прочими кластерами (медиана приходится на вариант «4 – скорее удовлетворен»). Схожим образом представители разных кластеров оценивают безопасность проживания, работу правоохранительных органов и цены на продукты. Однако оценки *довольных* не всегда превышают оценки представителей других кластеров. Так, они в меньшей степени, чем *умеренные*

удовлетворены работой органов социальной защиты и обеспечения, в чем, очевидно, проявляется их критический взгляд на государственную политику социальной поддержки населения.

Весомой составляющей оценки жизни в городе является не только качество работы различных учреждений и развитость инфраструктуры, но и особенности социальной среды и солидарности. Так, лишь 16 % *недовольных* считают, что повседневные отношения людей друг к другу в городе можно назвать дружелюбными, среди *довольных* доля таковых – 28 %. *Умеренные* чаще других отмечают наличие проблемы равнодушия (47 %), но реже (11 %) – проявления агрессивности и неприязни, которые более очевидны для других кластеров, особенно *недовольных* (17 %). Примечательно, что значительная доля *умеренных* и *довольных* (по 28 %) считают, что найдутся случайные прохожие, готовые помочь им в экстренной ситуации; примерно по половине респондентов из данных кластеров уверены, что найдутся хотя бы 1–2 таких человека. Среди *недовольных* доля уверенных в этом составляет лишь 40 %, а примерно каждый третий из них убежден, что никто в чужие дела вмешиваться не станет.

Однако негативное оценивание действий, а точнее, вероятного бездействия других людей в экстренной ситуации не порождает у *недовольных* желания изменить эту ситуацию, т.е. проявить свою активность. Выявлено, что представители данного кластера реже других высказывают согласие с суждением: «Иногда общественные интересы нужно ставить выше своих», отражающим состояние социальной солидарности в обществе. Это говорит о наличии в их сознании эгоцентрической модели поведения, которая характеризуется стремлением изолироваться от общественного участия и сконцентрироваться на личных интересах. Иначе такую модель поведения можно назвать настроенностью на приватизм. Таким образом, данная категория респондентов не характеризуется явной социальной активностью, они трудно вовлекаются в общественные практики, однако могут проявить интерес к общественному участию, способному изменить уровень их социального самочувствия.

Отношение к городу в значительной мере сказывается и на миграционных настроениях населения. Интересно, что доли наиболее активных, всерьез рассматривающих варианты переезда респондентов примерно одинаковы во всех кластерах (по 7 %). Это означает, что респонденты, серьезно настроенные на смену места проживания, выказывают свои намерения и проявляют активность независимо от особенностей их социального самочувствия. Признают себя «запертыми» в силу сложившихся обстоятельств в основном *недовольные* (20 %), а *умеренные* и *довольные* – в силу привычки (примерно по 22 %). Не рассматривают вариант переезда вообще чаще остальных *умеренные* (54 %), реже – *довольные* (49 %), что вероятно связано с семейными, трудовыми и возрастными особенностями структуры кластеров.

Таким образом, острой проблемы «утечки» квалифицированных кадров трудоспособного возраста в регионе, судя по ответам респондентов, в данное время не существует, однако сдерживающие от переезда факторы имеют скорее не позитивный (все устраивает, хочется жить здесь), а ограничительный характер (нет возможностей для переезда).

В целом, чем большую ценность для респондента составляет место его проживания как среда жизнедеятельности и пространство функционирования и развития социально-территориальной общности, членом которой он себя ощущает, тем выше уровень его социального самочувствия и потребность в осуществлении социальной активной, направленной в том числе на достижение общего блага.

Рассмотрим также субъективную идентификацию респондентов с базовыми социальными слоями населения. Более уверенные в своем будущем и удовлетворенные жизнью респонденты соотносят себя с более высоким социальным слоем (рис. 4). При этом 59 % *довольных* отмечают, что за последние 2–3 года стали жить несколько или намного лучше, аналогичная доля *недовольных* отмечает два противоположных варианта.

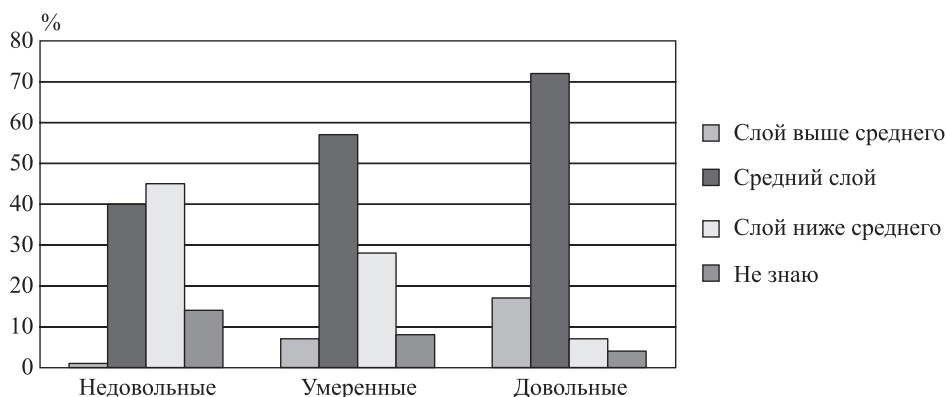

Рис. 4. Самоидентификация представителей разных кластеров с социальными слоями

Вместе с тем для взрослого человека принадлежность к тому или иному социальному слою является во многом достигнутым этим человеком статусом. В этом ключе представляет интерес степень осознания индивидом значимости собственных действий и ответственности за происходящие в его жизни изменения. Так, 44 % *довольных* считают, что изменения, произошедшие в их жизни за последние несколько лет, полностью зависели от их собственных усилий и личного вклада, тогда как среди прочих кластеров доля убежденных в этом не превышает четверти. Состояние полной или частичной независимости изменения жизни от личного вклада очевидно для 26 % *недовольных*, в противовес 9–12 % опрошенных в остальных кластерах. Интересно, что представители разных кластеров добиваются, например, финансового благополучия разными путями. *Недовольные* и *умеренные* для улучшения своего материального положения чаще берутся за любую подработку (по 17 %), принимают помощь от родственников (примерно по 11 %) или сокращают свои повседневные затраты (по 20 %), в то время как *довольные* в два раза чаще *недовольных* и в 1,5 раза чаще *умеренных* ограничиваются сокращением расходов на развлечения.

Реализация индивидом своей субъектной позиции отражается на его долгосрочных представлениях о будущем. С увеличением длительности периода планирования (до 5 лет, 5 лет и более) уверенность в своем будущем

у всех кластеров снижается. Однако более уверены в своем отдаленном будущем *умеренные* и *довольные* (11–15 %), а половина *недовольных* совершенно не уверены в нем.

Таким образом, на жизнедеятельность *умеренных* и *недовольных* активно воздействуют внешние факторы, *недовольные* также придерживаются негативных оценок условий проживания в городе и имеющихся у них возможностей для улучшения жизни своей и своей семьи. В то же время *довольным* свойственно проявление социального оптимизма, характеризующегося положительным восприятием действительности, оптимистичным взглядом на будущее.

Остается проверить главную гипотезу исследования, состоящую в предположении о наличии связи между уровнем социального самочувствия индивида и той интенсивностью, с которой он проявляет себя как субъект социальных преобразований.

Среди *недовольных* готов предложить и реализовать какой-либо проект ради общественного блага лишь каждый пятый респондент, среди *умеренных* доля таковых составляет 31 %, среди *довольных* – 39 %. При этом *недовольные* чаще представителей других кластеров руководствуются прагматическими соображениями или проявляют нежелание заниматься такой работой, в то время как *умеренные* и *довольные* демонстрируют большую лояльность к воздействию внешних побуждающих и принуждающих факторов (рис. 5).

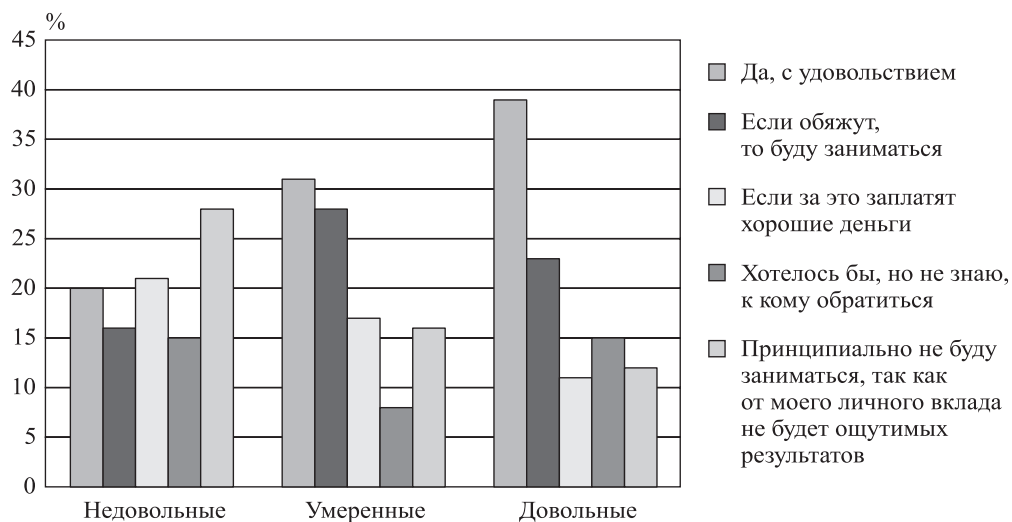

Рис. 5. Готовность представителей разных кластеров к реализации проектов ради общественного блага

При этом лишь каждый третий представитель кластера «недовольные» считает, что действия горожан, равнодушных к проблемам общества, могут повлечь значимый результат. По мнению же каждого четвертого, результативность таких действий крайне низкая, поскольку «все решено без нас». Для сравнения, среди остальных кластеров оптимистичный настрой проявляют примерно по 40 % опрошенных, пессимистичный – не более 14 %.

В чем же причина столь низкой оценки результативности действий активных граждан представителями кластера *недовольные*?

Одной из причин может быть недоверие властям, регулирующим общественную жизнь, в рамках которой и предполагается реализация социальной активности. Например, местным органам власти полностью и в основном доверяют только 17 % *недовольных*, в то время как среди *довольных* данные ответы выбрали 39 % опрошенных суммарно. Похожая ситуация с доверием к депутатам и совету депутатов: в разной степени им доверяют суммарно 13 % *недовольных* и 22 % *довольных*.

Другая причина может заключаться в отсутствии ощущения защищенности от различных опасностей, притеснений и посягательств на свободу слова, мысли и самовыражения. Так, *недовольные* не чувствуют себя в достаточной мере защищенными от бедности притеснений из-за возраста, пола, нарушения гражданских прав, произвола чиновников, правоохранительных органов, работодателей. Наиболее оптимистичные оценки по данным вопросам принадлежат кластеру «умеренные», в то время как *довольные* в очередной раз продемонстрировали критичность своих взглядов.

Третьей причиной может быть негативный опыт не столько даже реализации общественно значимых проектов, сколько отстаивания своих прав. *Недовольные* реже представителей других кластеров сталкивались со случаями нарушения своих прав и свобод (так ответили 38 % *недовольных* и примерно по 45 % *умеренных* и *довольных*), но чаще других не могли отстоять нарушенные права или наряду с *умеренными* не пытались это делать (рис. 6).

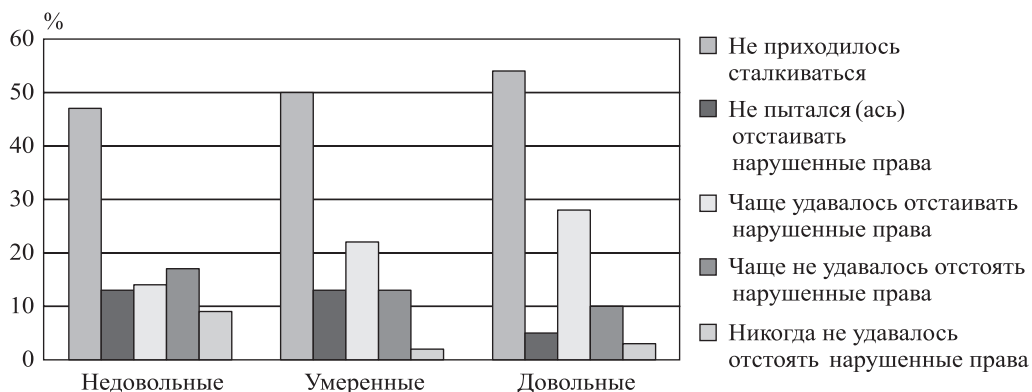

Рис. 6. Действия представителей разных кластеров в ситуации нарушения их прав и свобод

При всей неготовности действовать самостоятельно и что-либо менять в личной и общественной жизни, *недовольные* не видят субъекта позитивных изменений и во внешней среде. В частности, они почти в два раза чаще представителей других кластеров отмечают, что местная власть является малоэффективной. А в плане способов воздействия на местную власть *недовольные* либо отвергают в принципе такую возможность (14 %), либо наряду с *умеренными* придерживаются наиболее радикальных методов (например, участие в митингах), не будучи убежденными в эффективности традиционных (участие в выборах, деятельности партий, обращение к депутатам). В то

же время, например, *довольные* признают действенным механизм участия населения в общественных слушаниях и наряду с *недовольными* эффективность обращений в СМИ и воздействия с помощью социальных сетей.

Рассмотрим в разрезе кластеров еще одну форму проявления социального активизма – членство в общественных организациях. Так, большая часть представителей каждого кластера (66 % и выше) не состоит в каких-либо общественных организациях и не собираются этого делать. Рассматривает возможность включения в общественные организации примерно каждый четвертый представитель кластера «*довольные*», каждый пятый из кластера «*умеренные*» и лишь каждый десятый из *недовольных*. Интересно, что *недовольные* и *умеренные* в два раза чаще отмечают свою включенность в соответствующие организации, в сравнении с *довольными* (примерно по 4 и 2 % соответственно). При этом кластеры в значительной мере дифференцированы по широте интересов. Так, среди *недовольных* активность проявляют молодые люди, состоящие в молодежных объединениях и поддерживающие молодежные движения (например, «Поколение»), есть также представители политических партий («Единая Россия»), многие название организаций не уточнили. Наибольшее разнообразие сфер реализации активности продемонстрировали *умеренные*, среди которых имеются представители союзов предпринимателей (например, «Деловая Россия»), студенческих отрядов, союзов ветеранов, центра поддержки общественных инициатив, благотворительных и волонтерских организаций (например, общественная организация усыновителей «День аиста»), а также профсоюзных организаций. Представители кластера «*довольные*», в свою очередь, отметили лишь членство в политических партиях («Единая Россия», «КПРФ» и др.). То есть в данном вопросе лидерская позиция закрепила за *умеренными*, представляющими собой некую опору общества по аналогии со средним классом.

Одной из попыток объяснения подобных явных различий между кластерами (помимо их социально-экономического положения) явился анализ ценностных ориентаций. Однако среди кластеров не были зафиксированы сколь-либо существенные различия в структуре ценностей. Так, ключевыми ценностями большинства представителей всех трех кластеров явились «семья» и «здоровье». Аналогично, например, ценности свободы слова и действий, социальной справедливости и необходимости принесения пользы людям оцениваются представителями разных кластеров примерно одинаково. Объяснить это можно тем, что к реализации своих альтруистических ценностей, соответствующих высшим потребностям человека, большинство людей готовы обратиться лишь после удовлетворения физиологических и материальных потребностей, что проявляется в исходной концентрации человека на своих личных проблемах и заботах и только после их хотя бы частичного решения – на проблемах общественных.

В целом проведенный нами анализ взаимосвязи уровня социального самочувствия индивида и его готовности к реализации себя в качестве субъекта общественно-политических отношений позволил сделать следующие выводы:

1. Выделенные кластеры респондентов, различающиеся по уровню социального самочувствия, в значительной мере дифференцированы по раз-

личным социально-демографическим признакам. Так, чем старше человек, чем к более незащищенной социальной группе он относится (женщина, многодетный родитель, безработный, пенсионер, учащийся), чем ниже его образование и хуже здоровье, тем меньше он удовлетворен жизнью, своим финансовым положением, испытывает чувство неуверенности в завтрашнем дне. Последнее указывает в том числе на низкую эффективность системы социальной защиты населения страны.

2. *Недовольные*, в сравнении с представителями других кластеров, имеют более пессимистичный взгляд на жизнь (в том числе на собственное будущее) и дают скорее негативную оценку сложившейся в городе социально-экономической ситуации. При этом, если *довольные* и *умеренные* охотно берут на себя ответственность как за изменение собственной жизни (включая такие серьезные решения, как смена места жительства), так и за решение социальных проблем (готовность к солидарным действиям), то *недовольные* склонны к проявлению патерналистских настроений, индивидуализма, приватизма.

3. Гипотеза о том, что хорошее социальное самочувствие является фактором реализации человеком своего субъектного потенциала, включенности в гражданский активизм подтвердилась частично. Так, респонденты, относящиеся к кластерам «*довольные*» и «*умеренные*», демонстрируют уверенность в собственных силах и готовность к действиям, но при этом в случае *довольных* подобные заявления являются скорее декларативными, тогда как в группе *умеренных* имеет более явные проявления. *Довольные* также более осторожны в своих действиях и критичны в отношении современных политических реалий, чем схожи с оценками *недовольных*. Таким образом, если высокостатусные группы населения сосредоточили в своих руках финансовые и властные ресурсы, то чуть ли не ключевым ресурсом *умеренных* является их реальная или потенциальная социальная активность, которая может быть направлена на рост благосостояния как собственного, так и общественного.

Литература

1. Воронин Г.Л. Еще раз о «кластерах на факторах» // Социологический журнал. 2010. № 3. С. 21–34.
2. Головаха Е.И., Панина Н.В., Горбачик А.П. Измерение социального самочувствия: тест ИИСС // Социология: 4М. 1998. № 10. С. 45–72.
3. Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам: зарождающиеся социальные движения в современной России. М.: Три квадрата, 2010. 687 с.
4. Костин Р.А. Социологический анализ влияния виртуальных сетевых сообществ и сети Интернет на социальную активность молодежи (на примере Санкт-Петербурга). СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2017. 153 с.
5. Михайлова Л.И. Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами // Социологические исследования. 2010. № 3. С. 45–49.
6. Седова Н.Н. Гражданский активизм в современной России: форматы, факторы, социальная база // Социологический журнал. 2014. № 2. С. 48–71.
7. Трофимова И.Н. Гражданский активизм в России: новые реалии // Политика и Общество. 2014. № 9. С. 1020–1031. DOI: 10.7256/1812-8696.2014.9.13166.
8. Шкаратан О.И. Социология неравенства: теория и реальность. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 526 с.

9. Якуба Е.А. Методологические и методические проблемы социологических исследований социальной активности личности. Харьков: Основа, 1991. 65 с.
10. Bitušiková A. Urban Activism in Central and Eastern Europe: A Theoretical Framework // *Slovak Ethnology*. 2015. Vol. 63. № 4. P. 326–338.
11. Simpson B., Willer R., Ridgeway C.L. Status Hierarchies and the Organization of Collective Action // *Sociological Theory*. 2017. Vol. 30. P. 149–166.
12. Tutic A., Grehl S. Status Characteristics and the Provision of Public Goods: Experimental Evidence // *Sociological Science*. 2018. Vol. 5. P. 1–20.
13. Российский неполитический активизм: наброски к портрету героя // Фонд «Центр гражданского анализа и независимых исследований». 2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://grany-center.org/content/nonpolitic> (дата обращения: 12.02.2019).

Bibliography

1. Voronin G.L. Eshhe raz o «klasterah na faktorah» // *Sociologicheskij zhurnal*. 2010. № 3. P. 21–34.
2. Golovaha E.I., Panina N.V., Gorbachik A.P. Izmerenie social'nogo samochuvstvija: test IISS // *Sociologija*: 4M. 1998. № 10. P. 45–72.
3. Kleman K., Mirjasova O., Demidov A. Ot obyvatelej k aktivistam: zarozhdayushhiesja social'nye dvizhenija v sovremennoj Rossii. M.: Tri kvadrata, 2010. 687 p.
4. Kostin R.A. Sociologicheskij analiz vlijanija virtual'nyh setevyh soobshhestv i seti Internet na social'nuju aktivnost' molodezhi (na primere Sankt-Peterburga). SPb.: Izd-vo SPbGJeU, 2017. 153 p.
5. Mihajlova L.I. Social'noe samochuvstvie i vosprijatie budushhego rossijanami // *Sociologicheskie issledovanija*. 2010. № 3. P. 45–49.
6. Sedova N.N. Grazhdanskij aktivizm v sovremennoj Rossii: formaty, faktory, social'naja baza // *Sociologicheskij zhurnal*. 2014. № 2. P. 48–71.
7. Trofimova I.N. Grazhdanskij aktivizm v Rossii: novye realii // *Politika i Obshhestvo*. 2014. № 9. P. 1020–1031. DOI: 10.7256/1812-8696.2014.9.13166.
8. Shkaratan O.I. Sociologija neravenstva: teorija i real'nost'. M.: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2012. 526 p.
9. Jakuba E.A. Metodologicheskie i metodicheskie problemy sociologicheskikh issledovanij social'noj aktivnosti lichnosti. Har'kov: Osнова, 1991. 65 p.
10. Bitušiková A. Urban Activism in Central and Eastern Europe: A Theoretical Framework // *Slovak Ethnology*. 2015. Vol. 63. № 4. P. 326–338.
11. Simpson B., Willer R., Ridgeway C.L. Status Hierarchies and the Organization of Collective Action // *Sociological Theory*. 2017. Vol. 30. P. 149–166.
12. Tutic A., Grehl S. Status Characteristics and the Provision of Public Goods: Experimental Evidence // *Sociological Science*. 2018. Vol. 5. P. 1–20.
13. Rossijskij nepolitcheskij aktivizm: nabroski k portretu geroja // Fond «Centr grazhdanskogo analiza i nezavisimyh issledovanij». 2012. [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://grany-center.org/content/nonpolitic> (data obrashhenija: 12.02.2019).